

Запах нефти

Минуло более полувека, как на сибирскую землю Приобья ступили геологи, разведчики недр. Нужно было найти нефть – и ее нашли. Геология собрала людей разной судьбы, но их объединило общее: большое новое дело. Они были первопроходцами. Это позднее жизнь их многому научила, а тогда, в начале 50-60-х., все было впервые.

Этот небольшой рассказ – всего лишь штрих из жизни нашего земляка, ветерана труда, инвалида войны, сейчас пенсионера, а раньше бурового мастера Васечко Григория Романовича. Он начал свою работу на Севере с 1949 года, что называется, с первого колышка, а с 1956 года работал под началом человека-легенды Ф.К. Салманова в Пимской геофизической партии, позднее преобразованной в Нефте-Юганскую.

В годы Отечественной войны родина Васечко была временно оккупирована. Фашистские полчища рвались на Северный Кавказ любой ценой. Задача – перерезать нефтяные

Г.Р. Васечко - (в центре) среди своих товарищей. 1960 год.

артерии Баку, обескровить экономику и армию России. Гитлер уже раздаривал своим министрам Крым и Кавказ. Нефть была ценой жизни всего государства. Недолго взирал на Кавказ стальной орел с гаммированным крестом в лапах с вершины Эльбруса, куда его установили солдаты-альпинисты группы «Эдельвейс». Вскоре этот ненавистный, чужой символ был низвергнут.

Фронт уходил на запад... Почти не раздавались орудийные залпы, но гремели взрывы мин. «Миненфельд» (минное поле) для жителей станицы Ардон навсегда стало символом смерти. Немцы оставили тысячи мин. Не хватало солдат-саперов. Переносить снаряды помогали деревенские подростки. В тот роковой день один из них не удержал снаряд – прогремел еще один взрыв. На том месте, где было пять хлопцев, осталась глубокая воронка. Единственному уцелевшему осколками изранило и перебило ногу. В госпитале долго складывали, латали, гипсовали, ногу удалось сохранить, но коленный сустав перестал работать. Хлопца, сына казака Романа Васечко, звали Гришей. От инвалидности отказался, с фронта возвращались изувеченные хуже.

Вскоре Григорий – студент Грозненского нефтяного института. Учился во Владикавказском филиале. Далее – практика под Грозным и большая дорога в жизнь. Стране нужны были «новые Баку». Так судьба навек связала с нефтеразведкой и работой на Севере.

«Дорогие мегионцы, дорогие земляки!».

Я обращаюсь к вам из Северной Осетии – родины отцов, терских казаков, из-под Владикавказа. Живу я здесь давненько, а Север, Мегион, где прошли молодые, трудовые годы – это как вчера... Увижу по Центральному телевидению Приобье и защежит... Конечно, Север уже не тот: обжитый, устроенный, то ЖД пустили, то мост через Обь перекинули, города, дороги, ВУЗы... Младший сын из Мегиона ко мне в гости на иномарке своим ходом едет, внучек деду показать. Теперь у нефтяников свое телевидение, газета. Весною сын гостил, привез газету, а там на фото вышка с мельницей и подпись: пятидесятые годы, Покур. Я ее сразу узнал – нашу вышку. С Покуром моя судьба связана особо. Здесь в 1952 году родилась моя первеница – дочь Саша. Живет она в Сургуте, работает в нефтяной промышленности.

Шел 50-й год. Покурская вышка – одна из трех первых скважин Северного пояса исследований. Западно-Сибирская низменность была разбита на пояса, квадраты. Расстояние по квадратам между буровыми – 500 км, 250 км. Одна скважина бурилась в Ларьяке, другая в Покуре (бурил ее сначала геолог, старичок Яковлев, а потом буровой мастер Лагутин и испытывал Е. Липковский), третья – в Ханты-Мансийске (тогда еще Самарово). Бурил ее Н.М. Григорьев.

Это были так называемые опорные скважины, где керн на анализ брали с нуля. Нефть искали и по первой полосе исследований, по-над «железкою», то есть южнее, по линии Но-

восток – Омск – Тюмень. Бурили до 3000 метров – там было сухо. На Покуре мы не дошли до нефти. По правде, никто толком и не знал, где лучше искать. Ведь мы были первыми... Но была теория, уверенность. Позднее Салман (мы его по-дружески так звали) на все неудачи первых лет лишь повторял: «Здесь будет второе Баку!»

Не везло и на третьей полосе, на Приполярной. А вот ближе к Приуралья Урусов добрался до нее, открыл небольшое месторождение, там фундамент ближе, и нефть пошла где-то с 1700-1800 метров. Урусов прогремел тогда: Эрвье и два буровых мастера сразу Героев получили за почин.

А газетный снимок сделал местный фотограф Вотюков Федор, мы у него бывали за столом и за строганиной, и стерлядь сырую малосолом ели. Бывал у него по соседству и Ф. Салманов. С ним я начал работать под Сургутом, в Пимской геофизической партии, позднее он перешел на Юганскую Обь, преобразовал партию в Нефте-Юганскую экспедицию.

Есть еще удача, случай. Но мы тогда многому только учились. Помню, устанавливали первую буровую в Пимской экспедиции, меня туда уговорил Терещенко (из треста). Я там был инженером, по восьмому разряду бурильщика – и за мастера, и за прораба. В Пиме еще ничего не было, только вагончики пришли с Ангарского завода. Подпоры из бетона (бабки) делали сами, с основанием 3мх3м. 2,5метра в землю загоняли, да еще над землей 3 метра торчало. Брус необхватный сами тесали, в него пятиметровые анкерные болты монтировали, площадку готовили. А у буровой 5Д – площадь 10м х 10м.

Нас в бригаде человек 5 или 6 было: Белогирин Валентин, он с Майкопа, помбур Терентьев, дизелист – юморной мужик, хант из Колпашево Костя Лялин. У нас еще как-то местный хант работал, потом ушел: «Разжиженную грязь месить больше не хочу, охотничать интересней, однако...». Братья Васякины тоже с Пимской перебрались в Мегион.

Почти всю зиму мы провозились с земляными работами, железобетоном заливали. Когда локозская бригада монтажников приехала, за две недели вышку смонтировали. Забуриться мне не пришлось, отец при смерти был – я уехал в мае, с первой самоходкой.

Салманов потом отозвал меня, послал на повышение квалификации на инженера по глиняным растворам в Москву. Вернулся я месяца через полтора, разведку вели на Ваховской площади. Глину на раствор везли, чуть ли не из-под Локосово. Я посмотрел: здесь рядом, прямо под буровой, пласты глины не хуже. Начали применять, упростили дело.

Это позднее научились многому, все стало проще и легче. Приспособились и буровые вышки передвигать по замороженным зимникам тракторами на растяжках и даже на спаренных баржах-площадках чуть ли не вышку в сборе перевозить на новую площадь. На Баграссе умудрились передвинуть со 2-го номера на 3-ий всего тремя тракторами-сотками (вместо пяти по схеме): два – спереди и один – на оттяжке.

В 59 или 60 году Салманов направил меня в Мегионскую партию от Сургутской экспедиции. Организовал ее Л.И. Кузютин, он и стал первым начальником экспедиции.

Незабываемы дни открытия первой мегионской нефти. Тогда ведь почти никто не знал, как она выглядит, разве ребята, которые бурили в Татарии. На Баграссе первый номер бурил Норкин Григорий Иванович, у меня был второй номер. Монтаж делали в декабре. Прошли мы уже за 2 тысячи с лишним. Шел я как-то мимо их номера, они ее уже испытывали и желонили, попросту доставали, черпали пробу 15-метровым куском трубы с клапаном. Это позднее начали давить пласт компрессорами. А я чую запах. «Прет, говорю. – Ребята, это же не соляжкой, не мазутом пахнет! Я-то ведь бурил в Грозном, на Талкале, бывал на месторождениях. Это же запах нефти!» И хотя с водой – вот она, настоящая нефть! Ребята на радостях лица перемазали нефтью.

Пошла она, разработала ход. Укрепили головку колонны болтами, цементом, сделали

отвод трубами мимо пилорамы к озерку. Быстро она его наполнила. Первая нефть, газ, факелы... Сколько их потом было! При В.А. Абазарове почти все площади в районе разрабатывала Мегионская экспедиция

Потом были соревнования бригад. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Бывали обрывы, аварии. Ремонтировали сами. Попала старая труба – обрыв колонны, дни и метры, наработанные сверх плана, ушли на ремонт. На 2-ом номере у меня обрыв был, оборудование – собранное старье. Александровские ребята по радию слышали о беде, метчик привезли, колокол. Захват и зацепы порой сами изобретали. (Это уже позднее стали поощрять рацпредложения материально, значки давать. Петька у меня ими баловался). 2-ой номер мы восстановили, уложились в срок, и аварийная скважина стала давать нефть.

На Баграсовской протоке нефть дали скважины и номер 1, и 2-ой номер, и 3-ий. Скважина 1-ый номер дала бы нефть раньше, но ее испытывали не совсем правильно, пласт взорвали не на месте, похоже, там переток был. Верхний горизонт пустым оказался. С Б-6 нефть пошла, вроде, Баженовская или Ачимовская свита дала (сейчас уже не помню точно, 40 лет прошло). При глубине 2500м ошибешься на несколько метров при взрыве, и при норме цемента-жа, – притока не получишь.

Номер 8 или номер 9 бурились как оценочные, там испытывались все горизонты на воду, четыре или пять горизонтов дали термальную, +80С, бромисто-йодистую. Прямо курортная вода. Не знаю, организовали там сейчас что-нибудь или нет? А его Величество Случай в первые годы иногда играл главную роль.

На открытие месторождения из Москвы комиссия приехала, с треста папа Эрвье прибыл. Его, старого геолога, мы по Крыму знали. Посмотрел, где люди живут (на Баграсе несколько домов было привезено из Нарыма) и как живут: «Почему экспедиция Мегионская, а живете здесь? Давайте – в Мегион.» А ведь могли поселить и на Мысовой Меге или еще где-нибудь...

Следом в Мегион пошли баржи с брусом и пиломатериалами. В экспедиции укомплектовали три бригады плотников (бригадиры Г. Панов, С. Уткин, мастер Д.В. Шлябин), прорабом назначили А. Королева. В четвертой бригаде работали вятские мужики. Ребята все были хваткие, толковые. В Мегион тогда приток народа был: В. Щепеткин, Н. Дронов, В. Минаев, Колтынаев – нормировщик, Сарманов – хант, бухгалтером работал Николаенко. Все соседями стали. Жили дружно. Это был 61-й год.

За зиму две улицы построили по-над яром Меги и контору двухэтажную. На месте улиц Береговой и Горького сейчас – улица Ленина с кирпичными многоэтажками. Наконец-то у нас появилась своя крыша над головой. А тогда даже кирпича не было, из сырца печи клали. Нам это не в диво, у меня отцов дом из самана. Где не успели застеклить окна – временно вместо стекол одеяла шли.

Все 11 лет в переездах прошли... За это время трое детей родилось: средний Колька – в Александрове, младший Петька – в Пиме. При экспедиции была баржа с каютами (бромвахта), вот с ней и путешествовали на новые площади. Детей на ночь за руку к кровати привязывали, чтобы в воду не упал кто спросонок. А тут не то что балок, а двухквартирный дом на две семьи с огородом в 6 соток, где парники поставил и огород держал.

Мегион был тихим уютным поселком, колхоз занимался земледелием, скотоводством. Природа была богатая, все рядом. Осенью в заморозки выйду на Сайму, повезет – и глухаря домой несу. Манефа Васильевна у меня – коренная сургутянка, как дичь, бывало, сготовит. Э-эх!

Зимой на лыжах любил – удобнее ходить, для лета моторную лодку держал, с ФЭДом (фотоаппарат) не расставался. В 1981 году журналисту из Нижневартовска дал чемодан с фотоархивом – и навсегда.

Летом в отпуск семьей ездил. Денег скопить не получалось: детей поднимали, учились потом, кто где. Себе ни в чем не отказывали, вернулся в отцов дом с тремя тысячами. Нули потом исчезли. Жаль северян, у кого сбережения были – пропали, когда пошли процессы «приватизации»...

Вспоминается былое. Выйду во двор посидеть, под виноградом (лозу еще мой дед посадил), а в памяти прошлое, друзья... Я ведь многие годы на Севере в бурении с Салмановым. Первый раз он у нас студентом практику проходил в Колпашево в 1954 году. Во второй раз свела нас нефть в Березово. Приехал я в экспедицию, показали мне гостиницу, где буду жить. Вхожу, а на моей кровати кавказец лежит. «Эй, парень, это мое место!» – «Извини, друг, мне здесь предложили отдохнуть маленько». Сел знакомиться, а я гляжу – Салман. «Ты ли? Какими судьбами?»

Обнялись. Молодой, а уже начальник партии.

Теперь судьба свела надолго, в Пимскую партию он позвал. В геологии я проработал на Севере 30 лет, 15 лет, что называется, бок о бок – с этим замечательным человеком. И до 1981 года не раз встречались, и когда он стал «генералом», доктором наук. Такие люди, как он, звездной болезнью не болеют. Человек он обязательный, а как организатор уже тогда болел душой о быте людей. Памяти позавидовать можно, тысячу людей (рабочих и других) по имени-отчеству помнил. Вот голова! А какие цифры бухгалтерии в голове держал!. Даст на планерке разнарядку на задание, а придет срок – все спросит, ничего не упустит: «Я тебе две недели давал. Ты выполнил? Почему нет? Даю еще два дня, не выполнишь – пеняй на себя!» Больших записей в журнале не делал. Бывал строг, но справедлив.

Мегионская геофизическая партия уже стала экспедицией, но подчинялась, как Локосовская и другие, Сургуту. Леонид Иванович Кузютин ушел в проектно-сметный отдел, а новый начальник Высочинский (его потом сменил В.А. Абазаров) решил поставить кое-кого на место, под увольнение попали многие, в том числе и я временно стал техником. Приехал Салманов, не на ковер вызвал Высочинского, а при всех отчитал на собрании: «Почему кадры рушишь? Почему этого уволил, почему Васечко уволил? С кем работать будешь? Что делать будешь? Труба на шея – и в Обь!?» Эта фраза на долгие годы стала крылатой.

А как ценил юмор и шутку! Раз был случай. Как звать-величать его – не сразу запомнишь. Стоят как-то буровики, а парень один говорит: «Да это просто Салманов Фургон Комбайнович». Мужики хохочут, а он, откуда не возьмись, потихоньку подошел сзади к парню, похлопал его по плечу и говорит: «Вы, что, ребята, я сельскохозяйственный машина что ли?» Смеялись еще больше. А так попросту звали – Салман.

По телевизору иногда вижу его то в Москве, то на Севере, он ведь давно почетный гражданин Мегиона. Также друзей вижу на встречах ветеранов. О ком-то узнаю из газет, передач: Л.И. Кузютин – в Сургуте, В.А. Абазаров, Курбатов – в Тюмени, где-то Федя Хафизов, Малыгин. Наш испытатель Липковский хуторянином стал. Пенсионеры все. Молодежь теперь бурит вместо нас... Мы неплохо бурили.

Хотелось бы увидеться, здоровье еще маленько есть, но нога не пускает. Здоровья всем, всем!!! Все остальное в нашей жизни было.

Вот так закончил рассказ Григорий Романович.

У города нефтяников стоит памятник первопроходцам. Этот величественный монумент покоряет взор и с земли, и с воздуха. В народе его ласково и просто зовут – Алеша. Он гордо держит в руке факел с зажженным огнем, добытым из недр Сибири. Таким красавцем-богатырем виделся скульптору облик первопроходцев. Это символ нашего времени, времени романтиков, людей цельной натуры способных творить и жертвовать многим ради прекрасного и большого дела. Это памятник человеческому подвигу.

В этом символе собран образ сотен, тысяч первопроходцев, отнюдь не богатырей, но сотворивших богатырское дело. И среди них – Васечко Григорий Романович, человек среднего роста, крепкого телосложения, тяжело ступающий на израненную ногу, но прямой и бравый, в как-то по-особенному заломленной шапке, с фотоаппаратом через плечо. Таким его помнят мегионцы.

А в газетах тех лет часто бывали снимки буровых бригад на фоне ферм, вышек, факелов. Счастливые, уверенные лица. Теперь они уже все знают запах нефти!!!

Дмитрий ШЛЯБИН,
научный сотрудник краеведческого музея.

